

MUST EMPIRE DIE? ROMANOV EMPIRE, NATIONALISM AND POLITICAL TURBULENCE OF THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Issues of Discussion:

1. How effective was the administrative management system of the Russian Empire in the second half of the 19th–early 20th centuries?
2. What was the role of the Russian autocrats in determining the political course? Can we talk about the omnipotence of bureaucracy?
3. How was formed the government policy in the Russian Empire? Who and how determined the “state agenda”?
4. Did the Romanovs have a political strategy? Was it situational decision making?
5. Could reforms save the Russian Empire? Was the revolution inevitable?
6. Did the empire disappear after the 1917 revolution or was the USSR the result of its peculiar conversion / transformation under the conditions of new internal and external challenges?
7. Is it possible to describe the universalism of empires, including the Russian one, by the “chaos” of a constructivist / postmodernist picture of the world?

Discussants:

Konev Aleksey Yu., Candidate of Science (History). Leading Researcher, Tyumen Scientific Center of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen Scientific Center SB RAS).

Kotov Alexander E., Doctor of Science (History), Associate Professor, Institute of History, Saint-Petersburg State University.

Saginadze Ella O., Candidate of Science (History), Senior Fellow, Department of Russian History, Saint-Petersburg State University.

Teslya Andrey A., Candidate of Science (Philosophy), Researcher, Scientific Director of the Center for Research of Russian Thought, Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University.

ИМПЕРИИ РОССИИ: ОБЩЕСТВА «ОСАДОЧНЫХ ПОРОД» ИЛИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ «РУИН»?¹

А.Ю. Конев

Аннотация. В статье в полемическом ключе рассматриваются вопросы о роли и соотношении реформ и революций в исторической динамике феномена империи в России, его преемственности. Отталкиваясь от тезиса А.Дж. Рибера об «обществе осадочных пород» и метафоры «руин империи» А.И. Миллера, автор пытается выяснить: всегда ли реформы выступали залогом социальной и политической стабильности; насколько радикальны были на практике изменения, происходившие в результате революций; в чем заключалось влияние «инородческого дискурса» на политику Советской власти в отношении сибирских народов после революции 1917 года? Актуализируется значение внешнеполитических вызовов, как важных факторов существенных изменений в процессе становления и развития Российской империи. В частности, предлагается подойти к трактовке территориального расширения России и инкорпорации нерусских народов как взаимного изменения/адаптации вступающих во взаимодействие сторон, следствием которого было формирование новых структур и связей. Это позволит глубже понять как механизмы превращения Русского государства в Российскую империю, так и процессы дезинтеграции и последующей пересборки имперского пространства и соответствующих институтов, происходившие на протяжении XX столетия.

Ключевые слова: империя, Россия, Советский Союз, реформы, революция, Сибирь, инородцы.

Конев Алексей Юрьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Тюменского научного центра СО РАН, 625026, г. Тюмень, ул. Малыгина, 86, aldimoks@mail.ru.

¹ Работа выполнена по госзаданию: проект № АААА-А17-117050400150-2.

RUSSIA'S EMPIRES: "SEDIMENTARY SOCIETIES" OR REVOLUTIONARY "RUINS"?

A.Yu. Konev

Abstract. The article deals with the role and correlation of reforms and revolutions in the historical dynamics of the phenomenon of the empire in Russia, its continuity in a polemical manner. Based on the thesis of A.J. Riber about the "sedimentary society" and the metaphor of "ruins of the Empire" by A.I. Miller, the author tries to find out: whether reforms have always been the key to social and political stability; how changes were radical in practice that occurred as a result of revolutions; what was the influence of "alien discourse" on the policy of Soviet power in relation to the natives Siberian after the revolution of 1917? This paper emphasizes the importance of foreign policy challenges as factors of essential changes in the process of formation and development of the Russian Empire. In particular, it is proposed to approach the interpretation of the territorial expansion of Russia and the incorporation of non-Russian peoples as a mutual change / adaptation of the both parties entering into interaction, which resulted in the formation of new structures and connections. This approach allows for better understanding of both the mechanisms of the transformation of the Russian state into the Russian empire, and the processes of disintegration and following reconstruction of the imperial space and relevant institutions that took place during the 20th century.

Keywords: Empire, Russia, Soviet Union, reforms, revolution, Siberia, aliens (inorodcy).

Описывая историческую эволюцию развития России как «многонародного» государства, исследователи, так или иначе, определяют свою позицию относительно её «имперского измерения». Диапазон соответствующих оценок весьма широк, от признания России XVI–XIX вв. «колониальной империей» [Khodarkovsky, 2002], аналогичной европейским, до утверждения, что к началу XIX в. она «представляла собой крупное, централизованное, но в основе своей не колониальное государство, со слабо выраженной имперской политикой» [Российская империя, 2011, с. 857]. Е.А. Вишленкова не случайно отметила возникающее вокруг обсуждения данной проблематики, наряду с политическим, историографическое напряжение, обозначив его линии между «отечественной» и «чужими» историографиями, между позитивистской и конструктивистской парадигмами [Вишленкова, 2012].

В последние годы традиционные подходы к исследованию империй были во многом пересмотрены, а перспективы осмысления соответствующего исторического опыта связываются с переходом концепта «империи» из «категории исторического термина», фиксирующего ускользающую реальность прошлого, в «статус современной аналитической модели» [Gerasimov, Glebov, Kaplunovski ..., 2005, p. 45–46]. Наряду с этой рамкой, исследователи российской истории активно обращаются к такой категории как «нация» [например, *Nationalizing Empires*, 2015; Миллер, 2016]. Потенциал их обеих весьма оригинально реализован в новейшей монографии В.А. Кивельсон и Р.Г. Суни “Russia’s Empires” в виде целостной интерпретации истории Киевской Руси, Московского царства, империи Романовых и Советского Союза [Kivelson, Suny, 2017]. Книга представляет интерес в контексте актуального для настоящей дискуссии вопроса жизнеспособности империи. Авторы, в частности, обратили внимание на то, что СССР в начале своего существования опирался на «имперские различия между людьми, классами и территориями», создавая новые [Kivelson, Suny, 2017, pp. 298, 299, 307–308]. Эта идея перекликается с представлением Терри Мартина о национальной политике в СССР как «компенсирующей дискриминации». При этом, определив Советский Союз «империей положительного действия», он подчеркивает принципиальное отличие этой политики от колониальной идеологии и практики современных империй, включая Российскую [Martin, 2001, pp. 15–20]. А.И. Миллер, соглашаясь с тем, что «принципы организации СССР были качественно иными в сравнении с империей Романовых» и советская политика положительного действия «утверждала формы именно национального государства», полагает, что Т. Мартин ошибается относительно бесполезности категории «империя» при изучении СССР [Миллер, 2008, с. 214]. Он обращает внимание на трактовку специфики преемственности в историческом развитии России посредством тезиса А.Дж. Рибера, представляющего её как «общество осадочных пород» [Rieber, 1989, pp. 371–376]. Интерпретируя этот образ через метафору «руин», А.И. Миллер уточняет, что в институциональном отношении и в сфере групповых идентичностей можно говорить о «нескольких слоях руин»: Российской империи, «империи положительного действия» и более поздних вариантов национальной политики [Миллер, 2008, с. 219].

На мой взгляд, «осадочные породы» все же имеют существенные отличия от «руин». Руины, в данном случае политические и социальные, вряд ли могут укладываться

слоями. Они, подобно заброшенным или разрушенным постройкам, остаются мрачными развалинами с горами лома и мусора. Их приходится либо консервировать как объект музейного показа, либо сносить, освобождая место под новое строительство. Такие руины – это всегда определенный разрыв, травма и место памяти о ней. Они не пригодны для дальнейшего использования в прежнем качестве даже в случае реконструкции. Процесс же отложения пород куда более естественен, эволюционен. Собственно он и формирует континуальность, образует тот культурный слой, который не только аккумулирует в себе информацию о существовавших когда-либо обществах и цивилизациях, но как питательная почва дает жизнь их преемникам/наследникам.

Следует ли однозначно связывать серьезные деконструкции в прошлом лишь с периодами революционных потрясений (например, 1905 г. или 1917 г.), а наслоения, вслед за А. Дж. Рибером, с реформами, создающими социальную ткань из переплетения архаичных и современных идентичностей и институтов? Может ли реформа по своим последствиям оказаться столь же радикальным действием, как революция, и всегда ли революция готова отказаться от предшествующего опыта? Только ли эти две формы исторической динамики есть, её, динамики, основные побудительные факторы и источники?

Обращая внимание на события, происходившие в России второй половины XIX–начала XX в., вряд ли можно с уверенностью рассматривать реформы как эффективный инструмент сохранения политической системы или государства. Преобразования Александра II мало того, что закончились для него гибелью от рук революционеров, вызвали серьезные сдвиги, объективно способствовавшие вызреванию революционной ситуации на рубеже веков. С другой стороны, события 1905–1907 гг. вылились, скорее, в радикальную реформу, позволившую модернизировать важнейшие институты империи, не разрушив её. Таким образом, выражение «реформы или революция» в целом ряде случаев прочитывается не как альтернатива, а как сопоставление, на первый взгляд противоположных, но связанных между собой внутренним смыслом состояний и процессов.

Радикальность и стремительность революционных изменений при ближайшем рассмотрении могут выглядеть не столь однозначными. Для иллюстрации этого тезиса предлагаю обратиться на западносибирских материалах к сюжету, относящемуся к ранним этапам советской «национальной политики». Известно, что такая специфическая имперская сословно-правовая категория как «инородцы», в ряду прочих, была упразднена «Декретом об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 11(24) ноября 1917 г. [Декреты, 1957, с. 72]. С.В. Соколовский [Соколовский, 1998, с. 79] и Дж. У. Слокум [Slocum, 1998, p. 190] полагают, что и сам термин «инородцы», будучи изъят из официального употребления полностью исчез после революции. Но знакомство даже с опубликованными источниками [Судьбы народов, 1994] дает основания констатировать, что формировавшийся в XVIII–XIX вв. «инородческий дискурс» продолжал влиять на советские проекты по нациестроительству и соответствующая дореволюционная терминология была весьма устойчивой. Последнее

было характерно, прежде всего, для документов, исходивших от местных органов власти и самоуправления. Это невозможно объяснить лишь отсутствием тогда лексем с близким, но более нейтральным значением. В ходу было, например, слово «туземцы», и несколько позднее оно вытеснит термин «инородцы». С.В. Соколовский справедливо подметил, что «придумать язык, одновременно понятный народу и новый, рвущий нити ... связей с ненавистным прошлым, было чрезвычайно трудно» [Соколовский, 1998, с. 82]. И все же причины были более глубокими, укажу только на два момента. Это сохранение соответствующих институтов времен царской России. В первые послереволюционные годы в Западной Сибири не были упразднены инородные управы, не был отменен ясак, а последующая ликвидация управ поначалу имела весьма своеобразный характер и больше походила на реорганизацию. Так, в феврале 1920 г. в Обдорске вместо инородческого управления был создан «инородческий отдел» при исполкоме [Судьбы народов, 1994, с. 63], а в январе 1921 г. собранием ненцев и хантов Обдорской волости было даже решено восстановить «инородческий суд» [Судьбы народов, 1994, с. 65]. Вторая причина связана с самоидентификацией автохтонного населения. К примеру, в 1927 г. сотрудник Томского краевого музея отметил, что чулымские татары (карагасы) «сами себя большей частью называют ясачными», а некоторые – «инородцами» [Иванов, 1927, с. 98].

Не менее важными для качественных изменений в развитии страны, чем внутривнутриполитические, были внешние факторы и вызовы. Сложно представить себе «национализирующуюся» Российскую империю вне контекста победы над Наполеоном и трагедии Крымской войны 1853–1856 гг., а революционные кризисы начала XX в. без поражений в Русско-Японской и Первой мировой войнах. Недооцененным остается преобразующий потенциал расширения Русского/Российского государства. Этот процесс, обычно трактуется как *включение в состав* России (выступающей при этом некой исторически неизменной величиной) и описывается посредством таких категорий как «экспансия», «колонизация» и «интеграция», ориентированных на анализ форм и методов захвата, подчинения, присвоения и освоения новых пространств. При этом говорится об «адаптации к общегосударственным стандартам подданства и управления» соответствующих территорий и населяющих их народов [Российская империя, 2011, с. 854]. Но существовали ли такие «общегосударственные стандарты», к примеру, в XVI–XVII вв., и если они уже оформились к началу XVIII в., то разве это не было результатом практики, нарабатанной в процессе приведения под «высокую государеву руку» разнообразных иноземцев и иноверцев? Разве формирование системы воеводского управления, в том виде, в каком она предстала в начале XVII в., не было ответом на задачи, возникшие в ходе инкорпорации Казанского, Астраханского и Сибирского ханств? Пока исследователи не увидят в этих и аналогичных им процессах взаимного качественного изменения вступающих во взаимодействие сторон (а не поглощение одной других), мы не сможем достаточно внятно объяснить, как Русское государство превращалось в Российскую империю. Следовательно, и приблизиться к более глубокому пониманию механизмов дезинтеграции и последующей пересборки имперского пространства и соответствующих структур (в опыте СССР) окажется затруднительно. Также будет сложно определить, что в национальной политике «империй России» следует рассматривать как

естественные «осадочные породы» и плодотворную почву для развития, а что можно отнести к «руинам»?

Подводя итог сказанному, подчеркну, что не ставил перед собой задачи дать однозначные ответы на поставленные в статье и предложенные к дискуссии вопросы. Скорее, я стремился по-новому интерпретировать некоторые из них, а также поделиться своими соображениями о том, каким образом следует походить к изучению феномена империи в России, чтобы понять, как пережив революционные потрясения, империя возрождается либо в виде «дискурсивной формации», либо в форме реальной политической структуры.

В заключении хотел бы выразить признательность д.и.н., профессору А.Ю. Полунову за ценные замечания в процессе работы над статьей, а так же И.Д. Пузыреву и О.В. Коневой за содействие в подготовке текста к публикации.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Вишленкова Е.А. «А Вы, собственно, кто?» («Круглый стол» Империя, нация и конфессиональная политика в эпоху реформ) // *Российская история*. 2012. № 4. С. 84–85.

Декреты Советской власти. М.: Госполитиздат, 1957. Т. I. 626 с.

Иванов П.Г. Томские татары (материалы по обследованию Томских карагасов летом 1927 г.) // *Труды Общества изучения Томского края*. Вып. I. Томск: Тип. изд-ва «Красное знамя», 1927. С. 92–104.

Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 248 с.

Миллер А.И. Нация, или Могущество мифа. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. 146 с.

Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М.: «Русская панорама», 2011. 880 с.

Соколовский С.В. Понятие «коренной народ» в российской науке, политике и законодательстве // *Этнографическое обозрение*. 1998. № 3. С. 74–89.

Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.). Сборник документов / Отв. ред. Д.И. Копылов. Тюмень: ИПП «Тюмень», 1994. 320 с.

Gerasimov I., Glebov S., Kaplunovski A., Mogilner M., Semenov A. In Search of a New Imperial History // *Ab Imperio*. 2005. № 1. Pp. 33–56.

Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2002. 290 p.

Kivelson V.A., Suny R.G. Russia's Empires. New York, Oxford: Oxford University Press, 2017. 420 p.

- Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, London: Cornell University Press, 2001. 528 p.
- Nationalizing Empires / Ed. by St. Berger, A. Miller. Budapest, New York: CEU Press, 2015. 700 p.
- Rieber A.J.* The Sedimentary Society // *Russian History*. 1989. Vol. 16, № 2–4. Pp. 353–376.
- Slocum J.W.* Who and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of “Aliens” in Imperial Russia // *The Russian Review*. 1998. Vol. 57. № 2. Pp. 173–190.

REFERENCES

- Vishlenkova E.A. “A Vy, sobstvenno, kto?” (Kruglyy stol “Imperiya, natsiya i konfessionalnaya politika v epokhu reform”) [“And you, actually, who?” (Round table “Empire, nation and confessional policy in the era of reforms”)], in *Rossiyskaya istoriya*. 2012. № 4. Pp. 84–85 (in Russian).
- Dekrety Sovetskoy vlasti* [Decrees of Soviet power]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1957. Vol. I. 626 p. (in Russian).
- Ivanov P.G. Tomskiye tatory (materialy po obsledovaniyu Tomskikh karagasov letom 1927 g.) [Tomsk Tatars (materials on inspection of Tomsk Karagas in the summer of 1927)], in *Trudy Obshchestva izucheniya Tomskogo kraya*. Vyp. I. Tomsk: Krasnoye znamya Publ., 1927. Pp. 92–104 (in Russian).
- Miller A. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism: Essay in the Methodology of Historical Research]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2008. 248 p. (in Russian).
- Miller A.I. *Natsiya, ili Mogushchestvo mifa* [Nation, or the Power of myth]. St. Petersburg: Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2016. 146 p. (in Russian).
- Rossiyskaya imperiya: ot istokov do nachala XIX veka. Ocherki sotsial'no-politicheskoi i ekonomicheskoi istorii* [The Russian empire: from the beginnings to the beginning of the 19th century. Essays on social, political and economic history]. Moscow, Russkaia panorama Publ., 2011. 880 p. (in Russian).
- Sokolovskiy S.V. Ponyatiye “korennoy narod” v rossiyskoy nauke. politike i zakonodatelstve [The concept of “indigenous people” in Russian science, politics and legislation], in *Etnograficheskoye obozreniye*. 1998. № 3. Pp. 74–89 (in Russian).
- Sudby narodov Ob-Irtyshskogo Severa (Iz istorii natsionalno-gosudarstvennogo stroitelstva. 1822–1941 gg.)*. *Sbornik dokumentov* [The fate of the peoples of the Ob-Irtysh North (From the history of nation-building. 1822–1941 gg.). Collection of documents]. Tyumen: IPP “Tyumen”, 1994. 320 p. (in Russian).
- Gerasimov I., Glebov S., Kaplunovski A., Mogilner M., Semenov A. In Search of a New Imperial History, in *Ab Imperio*. 2005. № 1. Pp. 33–56.

Khodarkovsky M. *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2002. 290 p.

Kivelson V.A., Suny R.G. *Russia's Empires*. New York, Oxford: Oxford University Press, 2017. 420 p.

Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, London: Cornell University Press, 2001. 528 p.

Nationalizing Empires / Ed. by St. Berger, A. Miller. Budapest, New York: CEU Press, 2015. 700 p.

Rieber A.J. The Sedimentary Society, in *Russian History*. 1989. Vol. 16, № 2–4. Pp. 353–376.

Slocum J.W. Who and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of “Aliens” in Imperial Russia, in *The Russian Review*. 1998. Vol. 57. № 2. Pp. 173–190.

МЕЖДУ ИМПЕРСКИМ И НАЦИОНАЛЬНЫМ¹

А.Э. Котов

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции российской общественной жизни второй половины XIX в., их влияние на политику русского правительства. Описывая тенденции и конфликты общественной жизни России XIX в., автор выделяет противостояние сословно-имперской и национальной моделей государственного строительства. В статье приводится характеристика главных представителей и идеологов этих двух направлений, их влияния на ход имперских реформ конца 1880-х гг. и исторический путь России. Оценивая реформы в отношении русификации окраин, автор обращает внимание на важность изучения хода административной русификации российских западных окраин, потому что процесс этот был неотделим от процесса построения русского национального мифа и связанного с ним исторического нарратива.

Ключевые слова: российская общественная жизнь XIX в., сословно-имперская модель, национальная модель, русификация окраин, реформы конца 1880-х гг.

Котов Александр Эдуардович, доктор исторических наук, доцент, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, a.kotov@spbu.ru.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда №19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.».

BETWEEN IMPERIAL AND NATIONAL¹

A.E. Kotov

Abstract. The article considers the main trends of Russian public life in the second half of the 19th century, their influence on the policy of the Russian government. Describing the trends and conflicts of public life in Russia in the 19th century, the author highlights the confrontation of class-Imperial and national models of state construction. The article describes the main representatives and ideologists of these two directions, their influence on the course of Imperial reforms of the late 1880's and the historical path of Russia. Assessing the reforms in relation to the Russification of the suburbs, the author draws attention to the importance of studying the course of administrative Russification of the Russian Western suburbs, because this process was inseparable from the process of building a Russian national myth and the associated historical narrative.

Keywords: Russian social life of the XIX century, class-Imperial model, national model, Russification of suburbs, reforms of the late 1880's.

Kotov Alexander E., Doctor of Science (History), Associate Professor, Institute of History, Saint-Petersburg State University, 5, Mendeleevskaya Line, St. Petersburg, 199034, Russia, a.kotov@spbu.ru.

¹ This research was supported by the grant №19-18-00073 "National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th–20th Centuries" of the Russian Science Foundation.

Эффективность любого масштабного социального института — всегда трудноуловимая величина. Отсутствие универсальной шкалы для измерения степени этой эффективности, аберрация дальности и синдром послезнания, — всё это диктует нам необходимость отказа в подобных случаях от евангельского принципа «по плодам их узнаете их». В пользу российского самодержавия перед судом истории свидетельствует как минимум тот факт, что, когда власть перешла в руки его оппонентов, страна погрузилась в смуту. Главный аргумент против — очевидно, в том, что самодержавие власти не удержало. Суд беспристрастный принял бы во внимание, что произошло это при экстремальных обстоятельствах: в ситуации мировой войны, рождения массового общества и «тотальной мобилизации». Суд партийный, особенно представленный партиями, проигравшими собственную империю, будет к старому порядку беспощаден.

К позднеимперской бюрократии вполне приложимо известное высказывание К.П. Победоносцева о Церкви: «плоть от плоти общества, не лучше его и не хуже». Чтобы обозначить грань, отделяющую бюрократию от «общества», представителям последнего приходилось предпринимать порой весьма нетривиальные усилия. Прекрасным примером таковых служит описание Е.А. Ростовцевым «страданий» профессора П.К. Коковцова, двоюродного брата небезызвестного министра: «Профессор специально обходил стороной ту улицу, на которой жил чиновный родственник, чтобы никто не подумал, что он может посетить министра. На занятиях же П.К. Коковцов не уставал внушать студентам, что его фамилия звучит не “Кокóвцов”, как называли сановника, а “Кокóвцóв”» [Ростовцев, 2017, с. 343–344].

Если у «общества» постоянно находились «представители», желающие говорить от его лица, то бюрократия во второй половине XIX в. всё больше «объективизировалась» — оказываясь объектом критики даже со стороны такого идеолога бюрократического национализма, как М.Н. Катков. Мысль о «толстовском» характере российской элиты рубежа XIX–XX вв. высказывал ученик М.Н. Каткова и К.Н. Леонтьева Ю.С. Карцов: «Теория графа Л.Н. Толстого о непротивлении злу проникла в сознание петербургских государственных деятелей и охоту у них отбила думать и действовать» [Карцов, 1906, с. 390].

Разумеется, атмосфера, в которой действовала, бюрократия 1860-х гг. отличалась от ситуации 1890-х гг. Ярким примером деятельности идейных чиновников на местах служит история «виленского кружка русификаторов» — в сущности, представлявшего собой провинциальную эманацию либеральной бюрократии [Комзолова, 2004, с. 117–141]. Но даже в среде национально-консервативного чиновничества не было единства. Здесь показательно описание А.В. Никитенко одного из петербургских «четвергов» у бывшего муравьевского попечителя Виленского учебного округа И.П. Корнилова: «...разнообразие в Божьем мире неисчерпаемо, а разномыслие и разногосица в русском мире бесконечны. Но вот беда: самолюбия в этом разногласии ненасытные [...] И что за хаос мнений! Как легко распространяются самые нелепые слухи! Как во всём господствует пристрастие и личные виды! Ходишь в этой толпе, как в чаду, с отягчённою головою!» [Никитенко, 1956, с. 214].

Во всей «цветущей сложности» переплетавшихся в жизни тогдашней России тенденций и конфликтов автор этих строк выделил бы противостояние сословно-имперского

и национального направлений [Котов, 2017, с. 288–306]. Нередко его сводят к борьбе «немецкой» и «русской» «партий» середины XIX в. — но, как известно, эти также названия достаточно условны: ни та, ни другая не представляла исключительно упомянутые национальности. Скорее, речь шла о двух моделях государственного строительства, сторонники каждой из которых не превосходили своих оппонентов ни в патриотизме, ни в морально-этических качествах.

Наиболее ярким примером идеологов сословной модели являются Ф.И. Фиркс (он же — Шедо-Феротти, чьи памфлеты до сих пор не переведены на русский язык), а также редакторы газеты «Весть» — В.Д. Скарятин и Н.Н. Юматов. Несколько упрощая их взгляды, можно сказать, что они представляли империю в виде той или иной формы союза национальных дворянских корпораций, объединенных лояльностью к императору. Многие их тезисы всплывали позднее (когда «Весть» была уже прочно забыта) и у последующих критиков русского национализма — как консерваторов, так и либералов.

Главным идеологом альтернативной — национальной — «партии» принято считать Ю.Ф. Самарина, характеризовавшего предложенную Шедо-Феротти «имперскую» модель как «многоженство, поднятое на уровень долга и возведенное в политическую систему» [Переписка Ю.Ф. Самарина и баронессы Э.Ф. Раден, 2014, с. 60]. Как известно, и сам Юрий Федорович, и иные представители «старой русской партии» — и публицисты, и вдохновленные их идеями чиновники — в своей борьбе с «полонизмом» и «привилегиями балтийских герров» опирались не только на этнических великороссов, но и на литовцев, латышей и эстов, не говоря уже о малороссийском и белорусском простонародье.

Трудно хотя бы отчасти не согласиться с Б.Э. Нольде, считавшим Самарина своего рода «отцом» современной Восточной Европы: «Юрий Самарин в полном смысле этого слова преуказал вперед на полвека исторические пути России и Польши, со всеми многообразными и громадными по своему значению последствиями новой политики для обеих стран и для всей Европы [...] Вся деятельность Александра III: упразднение старых балтийских судов, обрусительная школьная политика, превращение Дерпта в Юрьев и Дерптского университета в Русский университет, появление в Прибалтийском крае таких фигур, как Шаховской, — есть не что иное, как осуществление программы, с такой энергией и страстностью построенной Юрием Самариным. А через Александра III издали просвечивают и будущие республики Латвия и Эстония» [Нольде, 2003, с. 220].

Схожие выводы из наблюдений за результатами «русификации» прибалтийского законодательства делала и местная администрация: «Реформы конца 80-х гг. совершенно преобразовали склад местной жизни Прибалтийского края и коренным образом видоизменили взаимные отношения общественных и сословных групп местного населения. С устранением могущественного влияния дворянской корпорации из области администрации и суда, с преобразованием школы и крестьянских учреждений, — огромная масса латышского и эстонского населения, находившаяся до тех пор в полном и, можно сказать, подневольном подчинении у помещиков, была призвана к новой жизни. Неизбежным последствием реформ было — пробуждение народного самосознания среди латышей и эстов» [РГИА, ф. 1282, оп. 3, д. 274, л. 2об–3.].

Инициаторы русификации окраин воспринимали свою деятельность как прогрессивную и во многом демократическую. М.Н. Катков в своем ответе Шедо-Феротти писал, «что истинный прогресс в России возможен только на основании русской народности, что русское государство может сохранить свою силу и приобрести желаемое благоустройство только в качестве русского государства, что политика русского правительства может не иначе вести ко благу, не иначе удовлетворять своему назначению, как принимая все более и более национальный характер» [Московские ведомости, 1864]. На страницах «Виленского вестника» ему вторил куда более умеренный М.Ф. Де-Пуле: «Путь обрусения есть путь цивилизации и ведет непременно к миру, — и с самим собою, и со всем русским, а не ко вражде» [Виленский вестник, 1867].

Впрочем, для движения по этому «пути цивилизации» не всегда требовалась помощь начальства. Наряду с бюрократической шла и стихийная русификация: «Обрусение совершается в наше время до того незаметно, свободно и естественно, что мы не видим даже, как оно происходит. Позволим себе рассказать следующий, довольно характерный в этом отношении случай. Года два назад нам пришлось разговориться с крестьянином. Он говорил бойко и даже красно; но в речи его чуть-чуть слышался легкий нерусский акцент. — “А что, барин, спросил он: хорошо я говорю по-русски?” — “Хорошо”. — “А ведь по-настоящему я чухонец”. — “И по-чухонски знаешь?” — “Нет, у нас в деревне только старики да бабы знают по-чухонски. А молодых и не учат теперь. Собрали сходку, и порешили: не учить ни мальчишек, ни девчонок по-чухонски. Полно чухнами быть, будем русскими!”. Такое свободное, по приговору мира, обрусение, конечно, не редкость. Если по местам обрусение идет медленно, то это зависит не от недостатка нравственной и притягательной силы русского народа, а от разных административных действий, прикрывающих как бы стеклянным колпаком не только инородческие племена, но порою даже мелкие колонии. Как скоро эти внешние препятствия уничтожатся, притягательная сила русского народа обнаружится в полном блеске» [Голос, 1871].

Важность изучения хода административной русификации российских западных окраин во многом обусловлена тем, что процесс этот был неотделим от процесса построения собственно русского национального мифа и связанного с ним исторического нарратива. «Воскресшие мертвецы» 1863 г. представляли в нём противниками национального прогресса и, как следствие, носителями феодальной архаики. Не случайно И.П. Корнилов характеризовал Северо-Западный край как «своего рода Кавказ нравственный» [Корнилов, 1908, с. 137]

Таким образом, противостояние с «полонизмом» носило не столько национальный, сколько сословный и конфессиональный характер — и в его ходе оттачивался тезис о русском демократизме. Корнилов — чьи воззрения интересны именно своей вторичностью, неоригинальностью и типичностью для своего круга — делал акцент на феодально-аристократической природе польского мятежа и «полонизма» как такового: «В польской истории никогда не бывало того всенародного участия в событиях, какое проявлялось в истории русских удельных княжеств и вольных городов Новгорода и Пскова, а также в междоусобии, при избрании на царство Михаила Федоровича, в войну 1812 г. и пр. Даже в последнее время, в польских мятежах 1830, 1831 и 1863 гг.,

русское правительство имело дело только с польскою интеллигенциею и с небольшим числом завербованных дворовых людей. Бессилие польских мятежей объясняется именно полным равнодушием к ним простонародья» [Корнилов, 1905, с. 6].

Страшно далекой от народа представляла польская шляхта в публицистике официально-го «Вестника Юго-Западной и Западной России»: «Как бы опьяненная своими иллюзиями, она доходит до болезненных галлюцинаций, достойных то смеха, то сожаления. До новых требований и условий жизни ей дела нет; она устаивает их внимания настолько, насколько они могут быть приложены и подогнаны под формы ее идеала. В эпоху полного торжества принципа народности и всеобщего признания гражданских и политических прав масс, ей все мерещится широко раскинувшаяся Речь Посполитая с своими бурными шляхетскими сеймами и конфедерациями, своею безурядицею и безграничною свободою личности, но только для шляхты» [Воронин, 1862, с. 34]. Именно поэтому редактор «Киевлянина» В.Я. Шульгин подчеркивал, что «усиление русского народа в крае должно совершиться: посредством эмансипации его от административного давления чиновников-поляков, от нравственного давления католической пропаганды и от экономического давления чужеродцев-землевладельцев». Главными средствами достижения этого Шульгину представлялось наделение местных крестьян землей и развитие местных русских «общественных сил», — т.е., говоря современным языком, гражданского общества [Киевлянин, 1864]. Аналогичные тезисы мы встретим в публицистике М.О. Кояловича, А.Ф. Гильфердинга, И.С. Аксакова, а также — в ведомственной переписке начала 1860-х гг. И, разумеется, велик соблазн в знаменитом аксаковском «мы, русские, не рыцари, мы — сам народ, мы — plebs» увидеть «истоки и смысл русского коммунизма» [Аксаков, 1886, с. 129–130].

Трансформация из сословной империи в национальное государство была одним из аспектов переживаемой Россией «буржуазной» модернизации. Считать ли этот процесс положительным — вопрос открытый. Очевидно, что многочисленные издержки на этом пути были неизбежны: консерваторы XIX в. не случайно предупреждали о революционном характере национализма, а публицисты «Вести» не случайно именовали «милютинцев» «нашими виц-мундирными французами» [Весть, 1865]. Вероятно, не обошлось бы в XX в. и без территориальных потерь — хоть оставшееся России имперское наследство без проведенных большевиками границ и было бы существенно больше.

Однако неизбежный национальный кризис совпал со всемирно-историческим процессом, в который вовлечено всё, и который, в конце концов, ведет к совершенно однообразным, серым или выжженным ландшафтам» [Юнгер, 2006, с. 36]. Любой победивший в Гражданской войне политический режим был обречен решать задачи «тотальной мобилизации», в том числе — обеспечивая технический прогресс посредством социальной архаики. Парадоксальным образом в советское время начала воссоздаваться именно сословная модель — с партийной номенклатурой в качестве правящего слоя. Разумеется, термины «архаика» и «сословность» не несут здесь оценочной нагрузки, и к советской элите процитированная в начале статьи фраза Победоносцева относится не в меньшей степени, чем к имперской. Окончательно сословная модель закрепилась в современной России, и в этом смысле август 1991 г. и октябрь 1993 г.

есть прямое продолжение октября 1917 г. [Вахитов, 2016]. С другой стороны, и советская эпоха не была единым целым. Восстановление в её начале прежнего территориального единства и мощный национальный подъем 1940-х гг. свидетельствуют о прочности как имперского фундамента, так и недостроенного в пореформенные десятилетия национального здания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Аксаков И.С. Сочинения в 6 тт. Т. 3: Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886. М., 1886. 844 с.
- Вахитов Р.Р. Национальный вопрос в сословном обществе: этносословия современной России: сборник статей. М.: Страна Оз, 2016. 218 с.
- Виленский вестник. 1867. № 10.
- Воронин А. О польском аристократическом элементе в Юго-Западной России // Вестник Юго-Западной и Западной России. 1862. Август. Отдел II.
- Голос. 1871. № 14.
- Желательно или нежелательно усиливать демократизацию России? // Весть. 1865. №6.
- Карцов Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке. 1879–1886. Воспоминания политические и личные. СПб., 1906. 393 с.
- Киевлянин. 1864. №1. 1 июля.
- Комзолова А.А. «Положение хуже севастопольского»: Русский интеллигентный чиновник в Северо-Западном крае в 1860-е гг. // Россия и Балтия. Остзейские губернии и Северо-Западный край в политике реформ Российской империи. Вторая половина XVIII в.–XX в. М., 2004. С. 117–141.
- Корнилов И.П. Путевые заметки. Витебск, 1905.
- Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьевскую эпоху. Вып. 1. СПб., 1908. 504 с.
- Котов А.Э. «Народность» и «сословность»: два полюса русского консерватизма // Христианское чтение. 2017. №2. С. 288–306.
- Московские ведомости. 1864. №195.
- Никитенко А.В. Дневник: в 3 тт. Т. 3. М., 1956. 582 с.
- Нольде Б.Э. Юрий Самарин и его время. М., 2003. М.: Эксмо, 2003. 542 с.
- Российский государственный исторический архив. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 274.
- Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX–начало XX в. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 903 с.
- Юнгер Э.Г. Через линию // Судьба нигилизма: Эрнст Юнгер. Мартин Хайдеггер. Дитмар Кампер. Гюнтер Фигаль. СПб., 2006.
- «Я любил Вас любовью брата...» Переписка Ю.Ф. Самарина и баронессы Э.Ф. Раден (1861–1876). СПб.: Русская мысль, 2014. 389 с.

REFERENCES

- Aksakov I.S. *Sochineniya v 6 tt. T. 3: Pol'skij vopros i zapadno-russkoe delo. Evrejskij vopros* [The Polish question, and Western-Russian business 1860–1886]. M., 1886. 844 p. (in Russian).
- Vahitov R.R. *Nacional'nyj vopros v soslovnom obshchestve: etnososloviya sovremennoj Rossii: sbornik statej* [National question in the class society]. M.: Strana Oz, 2016. 218 p. (in Russian).
- Vilenskij vestnik*. 1867. № 10 (in Russian).
- Voronin A. O pol'skom aristokraticheskom elemente v Yugo-Zapadnoj Rossii [On the Polish aristocratic element in South-Western Russia], in *Vestnik Yugo-Zapadnoj i Zapadnoj Rossii*. 1862. Avgust. Otdel II (in Russian).
- Golos*. 1871. № 14 (in Russian).
- Zhelatel'no ili nezhelatel'no usilivat' demokratizaciyu Rossii? [Is it desirable or undesirable to strengthen the democratization of Russia?], in *Vest'*. 1865. № 6 (in Russian).
- Karcov Yu.S. *Sem' let na Blizhnem Vostoke. 1879–1886. Vospominaniya politicheskie i lichnye* [Seven years in the Middle East]. SPb., 1906. 393 p. (in Russian)
- Kievlyanin*. 1864. №1. 1 iyulya (in Russian).
- Komzolova A.A. "Polozhenie huzhe sevastopol'skogo": Russkij intelligentyj chinovnik v Severo-Zapadnom krae v 1860-e gg. [The situation is worse than Sevastopol case: Russian intelligent official in the North-Western region in the 1860-s], in *Rossiya i Baltiya. Ostzejskie gubernii i Severo-Zapadnyj kraj v politike reform Rossijskoj imperii. Vtoraya polovina XVIII v.–XX v. M., 2004* (in Russian).
- Kornilov I.P. *Putevyje zametki* [Travel notes]. Vitebsk, 1905 (in Russian).
- Kornilov I.P. *Russkoe delo v Severo-Zapadnom krae. Materialy dlya istorii Vilenskogo uchebnogo okruga preimushchestvenno v murav'evskuyu epohu*. Vyp. 1 [Russian case in the North-Western region]. SPb., 1908. 504 p. (in Russian).
- Kotov A.E. "Narodnost'" i "soslovnost'": dva polyusa russkogo konservatizma ["Nationality" and "Estate": two poles of Russian conservatism], in *Hristianskoe chtenie*. 2017. № 2. Pp. 288–306 (in Russian).
- Moskovskie vedomosti*. 1864. № 195 (in Russian).
- Nikitenko A.V. *Dnevnik: v 3 tt.* [Diary]. T. 3. M., 1956. 582 p. (in Russian).
- Nol'de B.E. *Yurij Samarin i ego vremena* [Yuri Samarin and his time]. M.: Eksmo, 2003. 542 p. (in Russian).
- Russian State Historical Archive. F. 1282. Inv. 3. D. 274.
- Rostovcev E.A. *Stolichnyj universitet Rossijskoj imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast'* (vtoraya polovina XIX–nachalo XX v. [Capital University of the Russian Empire: academic class, society and power]. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2017. 903 p. (in Russian).
- Yunger E.G. Cherez liniyu [Through the line], in *Sud'ba nigilizma: Ernst Junger. Martin Hajdegger. Ditmar Kamper. Gyunter Figal'* [The Fate of Nihilism: Ernst Junger. Martin Heidegger. Dietmar Kamper. Gunter Figal]. SPb., 2006 (in Russian).
- "Ya lyubil Vas lyubov'yu brata...". *Perepiska YU.F. Samarina i baronessy E.F. Raden (1861–1876)* [Correspondence between Yu.F. Samarin and Baroness E.F. Raden]. SPb.: Russkaya Mysl', 2014. 389 p. (in Russian).

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ¹

Э.О. Сагинадзе

Аннотация. В статье рассматривается устойчивая историографическая традиция описания позднеимперской России. Сделан вывод о существовании неиспользованных возможностей для анализа этого периода. Охарактеризованы основные научные дискуссии исследователей относительно состояния и перспектив развития Российской империи накануне революции 1917 г. Рассмотрены подходы исследователей к изучению экономического развития России и государственной политики на окраинах империи. Сделан вывод о необходимости отказа от привычных шаблонов и стереотипов относительно механизмов имперского управления и роли бюрократии в России XIX в. Была ли воля монарха единственным фактором принятия решений в России? Можно ли при написании истории реформ уйти от персонализации исторических процессов и обратиться к исследованию бюрократической рутины? Был ли у России иной сценарий в XX в., или революция была неизбежной? Вот основные вопросы предлагаемой статьи.

Ключевые слова: Российская империя, историография, бюрократия, реформы, экономическая политика правительства на окраинах.

Сагинадзе Элла Отаровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, lelya-rus@mail.ru.

¹ Статья выполнена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917)».

STATE AND PROSPECTS OF LATE IMPERIAL RUSSIA: NEW APPROACHES TO THE STUDY¹

E.O. Saginadze

Abstract. The article deals with a stable historiographical tradition of describing late-imperial Russia. The author comes to conclusion about the new opportunities for the analysis of this period. The main scientific discussions of researchers regarding the state and development prospects of the Russian empire on the eve of the 1917 revolution are described. Research approaches to the study of the economic development of Russia and state policy on the outskirts of the empire are considered. It is concluded that it is necessary to abandon the usual patterns and stereotypes regarding the mechanisms of imperial control and the role of the bureaucracy in the 19th century's Russia. Was the monarch's will the only decision-making factor in Russia? When writing a history of reforms, is it possible to get away from the personification of historical processes and turn to the study of the bureaucratic routine? Did Russia have a different scenario in the 20th century, or was revolution inevitable? Here are the main issues of the proposed article.

Keywords: Russian Empire, historiography, burocracy, reforms, state policy on the outskirts.

Saginadze Ella O., Candidate of Science (History), Senior Fellow, Department of Russian History, Saint-Petersburg State University, 5, Mendeleevskaya Line, St. Petersburg, 199034, Russia, lelya-rus@mail.ru.

¹ This research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 18-18-00142 "The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917)".

Рубеж XIX–XX вв. — один из самых обсуждаемых сегодня периодов российской истории. Современные журналисты, представители деловой и политической элиты, часто апеллируют к успешному опыту реформ последних десятилетий Российской империи. Возможно, такое пристальное внимание к этому периоду империи — попытка опереться на национальный опыт при проведении экономического курса и внутренней политики в современных сложных условиях? Так или иначе, историческая аргументация является обязательным инструментом общественно-политической полемики. Интенсивные научные дискуссии о России накануне революции можно наблюдать и среди профессиональных историков. Главный вопрос, вокруг которого ведутся обсуждения — что же происходило с Россией в начале XX в.? Он необычайно интересен, крайне спорен и чрезвычайно нагружен идеологически. Мне представляются важными упомянуть о нескольких сюжетах историографических споров относительно состояния и перспектив развития России накануне 1917 г.

Можно ли назвать систему управления Российской империи во второй половине XIX–начале XX в. эффективной, в частности, — ее экономический аспект? Есть историки — М.А. Давыдов [Давыдов, 2016], Б.Н. Миронов [Миронов, 2012], и другие, — которые убедительно доказывают, что у империи были блестящие экономические перспективы. Колоссальные изменения в сельском хозяйстве, особенно в процессе землеустройства, должны были кардинальным образом изменить страну. Стремительными темпами развивалась банковская система империи, усиливалась роль местного капитала в акционерных обществах, росло число сберегательных касс. Одним словом, нельзя отрицать, что в это время в стране шли очень важные экономические процессы.

Вместе с тем, ряд ученых (к примеру, С. Нефедов [Нефедов, 2017]), утверждают, что благосостояние населения России нельзя было признать удовлетворительным. Бок о бок с экономическим и промышленным ростом (до 10% в отдельные годы) росли социальное напряжение и имущественное расслоение, народ страдал от голода, неграмотности, отсутствия свобод.

Научная проблема, над которой я сейчас работаю — региональный аспект модернизации. До недавнего времени исследователи обращали мало внимания на экономическую колонизацию отдельных огромных имперских пространств. Разумеется, существуют работы о развитии отдельных регионов, но комплексных обобщающих исследований практически нет. Отрадным исключением может считаться книга Е.А. Правиловой [Правилова, 2006]. Между тем, существуют данные, которые позволяют проследить, насколько эффективной была экономическая политика правительства на окраинах. Так, большой объем капитала был направлен в Центрально-промышленный и Восточно-Черноземном район, на Юг. Скажем, на Кавказе в индустриализацию в полной мере был вовлечен Тифлис, другие районы Закавказья получали значительно меньше казенных ассигнований и внимания правительства¹. Аргументированный ответ на этот исследо-

¹ Научный коллектив СПбГУ развивает коллективное исследование: Российский научный фонд. Проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917).

вательский вопрос позволил бы пересмотреть наши представления об эффективности финансово-экономической системы России.

Вторая важное направление дискуссий, напрямую связанное с вопросом эффективности империи, — **это механизмы имперского управления и роли бюрократии в России XIX в.** Актуальность этого исследовательского фокуса вытекает из специфики Российской империи, огромной и централизованной страны, управляемой большим количеством чиновников разного ранга. Первая устойчивая традиция историографии — персонификация исторических процессов, большое внимание к роли индивидуальных акторов в проведении правительственного курса, «роли личности в истории». Характерен для работ и определенный ценностный подход, когда исследователь пытается определить, хорошо или плохо то или иное событие, удачно или не удачно, либерален или консервативен определенный государственный деятель. Другой контекст — институциональный, — углубленное внимание к учреждениям монархии, обезличенным бюрократическим институтам.

На мой взгляд, в этой части историографического диалога существуют еще не использованные резервы для пересмотра многих стереотипов и привычных оценок. По моему, важно изучать не только объективную, но и неформальную сторону имперской бюрократии: неформальные взаимодействия различного характера, бюрократические коалиции и противоречия, клановость власти и их влияние на процесс принятия решений.

Противоборство и взаимодействие различных бюрократических кланов сказывались на развитии империи ничуть не меньше, чем идеологические размежевания внутри власти. Такой уровень анализа мог бы вывести ученого на проблему технологии управления, фоновых практик политического курса. На сегодняшний день есть лишь немногочисленные работы, которые побуждают историков уйти от привычных представлений о самовластной воле монарха, как единственном факторе принятия решений в России, или о всеилии бюрократии [Мустонен, 1998; Le Donne, 2001].

Пожалуй, самый острый и идеологически нагруженный пункт несогласия можно наблюдать в ответах на принципиальный вопрос — **могли ли реформы сохранить Российскую империю? Была ли революция неизбежной?** Спор этот давний, и с подачи американского историка Леопольд Хеймсона, вовлеченных в него исследователей принято разделять на «оптимистов» и «пессимистов» [Haimson, 1965; 2000]. Согласно сценарию «оптимистов», Россия могла бы избежать революции, если бы не разразилась Первая мировая война. «Пессимисты» же, исследовав особенно тщательно социальные факторы революции, пришли к выводу об ее неизбежности. Хотя с выхода двух важнейших статей Хеймсона прошло уже более полувека, многие вопросы еще вызывают разногласия среди ученых. В частности, это иллюстрируют материалы научных конференций [Проблемы реформирования, 2017].

На мой взгляд, Российская империя накануне революции 1917 г. действительно имела очень небольшие шансы на иной сценарий. Однако очень важным представляется исследование того, что было пресечено революцией. Бесспорно, советский опыт открыл новую страницу в российской истории, но очевидно, что в какие-то коридоры возможностей он двери закрыл. Небесполезным было бы попытаться оценить именно тенденции и перспективы, а не давать характеристики и моральные оценки тем или иным личностям или событиям.

К слову, эти проблемы имеют международное измерение. Конечно, русская революция имела мировое значение, но вместе с тем — это и время краха империй. В своих знаменитых 14 пунктах, опубликованных 8 января 1918 г., Вудро Вильсон довольно любопытно рассуждал по поводу будущего Российской, Османской, Австро-Венгерской империй; у него не было ощущения, что время империй ушло безвозвратно. Какое же место Россия занимает в этом масштабном общемировом процессе?

Иными словами, рубеж XIX–XX вв. — это интересное и до сих пор во многом непонятное нам время.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте-Столыпина. Изд. 2-е испр., доп. СПб.: Алетейа, 2016. 1080 с.

Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII–начало XX в. Изд. 2-е испр., доп. М.: Весь мир, 2012. 848 с.

Мустонен П. Собственная его императорского величества канцелярия в механизме властвования института самодержца. 1812–1858 // *К типологии основ имперского управления*. [Helsinki:] Aleksanteri Instituutin julkaisusarja, 1998. С. 276–294.

Нефёдов С.А. Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. 432 с.

Правилова Е.А. Финансы империи: деньги и власть России на национальных окраинах: 1801–1917 М: Новое литературное обозрение, 2006. 451 с.

Проблемы реформирования России на рубеже XIX–XX вв.: к столетию со дня смерти С. Ю. Витте»: сборник статей / [под ред. Э. О. Сагинадзе]. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 430 с.

Haimson Leopold H. The Problem of Political and Social Stability in Urban Russia on the Eve of War and Revolution Revisited // *Slavic Review*. 2000. № 59 (4). Pp. 848–875.

Haimson Leopold H. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905–1917 // *Slavic Review*. 1964. № 23 (4). Pp. 619–642; 1965. № 24 (1). Pp. 1–22.

Le Donne J. Russian Governors General, 1775–1825. Territorial or functional administration? // *Cahiers du monde russe*. 2001. V. 42 (1). Pp. 5–30.

REFERENCES

Davydov M.A. *Dvadcat' let do Velikoj vojny. Rossijskaya modernizaciya Vitte-Stolykina* [Twenty years before the Great War. Russian modernization of Witte-Stolypin.] SPb.: Aleteja. 2016. 1080 p. (in Russian).

Mironov B.N. *Blagosostoyanie naseleniya i revolyucii v imperskoj Rossii: XVIII–naxalo XX veka* [The welfare of the population and the revolution in imperial Russia:

XVIII—the beginning of the twentieth century]. Izd. 2-e ispr., dop. M.: Ves' mir, 2012. 848 p. (in Russian).

Mustonen P. Sobstvennaya ego imperatorskogo velichestva kancelyariya v mekhanizme vlastvovaniya instituta samoderzhca. 1812–1858, in *K tipologii osnov imperskogo upravleniya* [His own imperial Majesty's office in the ruling mechanism of the institution of the autocrat. 1812–1858]. [Helsinki:] Aleksanteri Instituutin julkaisusarja, 1998. Pp. 276–294 (in Russian).

Nefyodov S.A. *Uroven' zhizni naseleniya i agrarnoe razvitie Rossii v 1900–1940 godah* [The level of population life and the agrarian development of Russia in 1900–1940]. Izdatel'skij dom "Delo" RANHIGS, 2017. 432 p. (in Russian).

Pravilova E.A. *Finansy imperii: den'gi i vlast' Rossii na nacional'nyh okrainah: 1801–1917* [Empire Finance: Money and Power of Russia in the National Outskirts: 1801–1917]. M: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 450 p. (in Russian).

Problemy reformirovaniya Rossii na rubezhe XIX–XX vv.: k stoletiyu so dnya smerti S.Yu. Vitte: sbornik statej [Issues of reforming Russia at the turn of the XIX–XX centuries: to the centenary of S.Yu. Witte's death] / [pod red. E.O. Saginadze]. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2017. 430 p. (in Russian).

Haimson Leopold H. The Problem of Political and Social Stability in Urban Russia on the Eve of War and Revolution Revisited, in *Slavic Review*. 2000. № 59 (4). Pp. 848–875.

Haimson Leopold H. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905–1917, in *Slavic Review*. 1964. № 23 (4). Pp. 619–642; 1965. № 24 (1). Pp. 1–22.

Le Donne J. Russian Governors General, 1775–1825. Territorial or functional administration?, in *Cahiers du monde russe*. 2001. V. 42 (1). Pp. 5–30.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ОПТИКИ НЕИЗБЕЖНОГО: О РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ¹

А.А. Тесля

Аннотация. Статья посвящена изучению степени эффективности административной системы управления в Российской империи. По мнению автора, эффективность администрации Российской империи обусловлена высоким уровнем профессионализации государственного аппарата. Особенности бюрократической системы и политической стратегии были заложены во второй половине XIX в. Анализируя и осмысляя историю поздней Российской империи, автор приходит к выводу о том, что проблемы в управлении и трудности администрирования не носили фатальный характер. Более того, по итогам общемирового кризиса мировой войны лишь Российская империя продолжила свое существование в качестве Советского Союза – новой формы того же имперского пространства.

Ключевые слова: административная система управления, бюрократическая система, Российская империя, континуальность.

Тесля Андрей Александрович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, 236016, г. Калининград, ул. Чернышевского, 56, mestr81@gmail.com.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РНФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках».

BEYOND OPTICS IS INEVITABLE: ABOUT THE RUSSIAN EMPIRE, LAST DECADES¹

A.A. Teslya

Abstract. The article is devoted to the study of the degree of efficiency of the administrative management system in the Russian Empire. According to the author, the effectiveness of the administration of the Russian Empire is due to the high level of professional development of the state apparatus. Features of the bureaucratic system and the political strategy were laid in the second half of the 19th century. Analyzing and reflecting on the history of the late Russian Empire, the author comes to the conclusion that problems in management and difficulties of administration were not fatal by its nature. Moreover, following the global crisis of the World war, only the Russian Empire continued its existence as the Soviet Union – a new form of the same Imperial space.

Keywords: administrative management system, bureaucratic system, Russian Empire, continuity.

Teslya Andrey A., Candidate of Science (Philosophy), Researcher, Scientific Director of the Center for Research of Russian Thought, Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, 56, Chernyshevsky st., Kaliningrad, 236016, Russia, mestr81@gmail.com.

¹ The study was carried out within the framework of the RSF grant (№ 18-18-00442) "Mechanisms of meaning formation and textualization in social narrative and performative discourses and practices".

Говоря об эффективности административной системы управления в Российской империи — с 1850-х гг. и вплоть до конца существования империи — мне представляется, прежде всего, полезным остановиться на самом понятии эффективности. Ведь отсылая к последнему, как правило, в рассуждениях скрывается многообразие значений, в том числе и в пределах одного текста. И в зависимости от используемых значений, ответы на поставленный вопрос — как и выводы о долгосрочных перспективах империи — могут радикально различаться. Так, во-первых, под эффективностью можно подразумевать, насколько результативно, в какой степени существующий административный аппарат оказывался способен достигать поставленных перед ним целей — или же, во-вторых, переходя на структурный уровень, насколько этот аппарат оказывался способен не соответствовать тем или иным артикулируемым, рефлексивным целям, а в какой мере был соразмерен вызовам и задачам, которые оказывался вынужден решать — независимо от того, насколько они осознавались как целое. В-третьих, не менее важно и иное понимание эффективности — соотношение между средствами и целями, насколько производительно используются наличные средства, каков, говоря метафорически, коэффициент полезного действия.

Если начать рассуждение с последнего, то следует отметить, что администрация Российской империи оказывалась достаточно эффективной — достаточно напомнить, что мы имеем дело, по оценке Д.И. Менделеева, подтверждаемой современными исследованиями [Миронов, 2015], с «недоуправляемой» империей [Менделеев, 1906, с. 67]. Так, если в Европейской России, по подсчетам Н.А. Рубакина, на 10 тыс. населения приходилось 54 чиновника, то в Швейцарии — 140, в Бельгии — 200, а в сопоставимых в политическом плане странах в Австро-Венгрии — 125, в Германии — 126, во Франции — 176 [Рубакин, 1912, с. 62].

Не менее важна и динамика — как показывают еще исследования П.А. Зайончковского [Зайончковский, 1976], подтвержденные и развитые в недавних работах К.А. Соловьева [Соловьев, 2018, с. 100–136], государственный аппарат не только профессионализировался, что совершенно очевидно и не составляет предмета спора, но неизменно привлекал основной массив наиболее подготовленных кадров — большая часть выпускников юридических факультетов и специальных учебных заведений (таких, как Александровский лицей, Училище правоведения, Демидовский юридический лицей) находили свое место в бюрократическом аппарате, который отличался — особенно в своем центральном звене — во многом меритократическими ценностями, как можно видеть, например, по мемуарам столь разных по социальному бэкграунду лиц, как В.И. Гурко [Гурко, 2000] или С.Е. Крыжановского [Крыжановский, 2009].

При этом проблема недоуправляемости, в особенности за пределами городов, отчетливо осознавалась сначала в начале 1860-х гг. — в связи в первую очередь с крестьянской реформой, а затем, с 1880-х гг., становится постоянно присутствующей в сознании высшей администрации — так, попыткой (и, следует отметить, далеко не безуспешной) частично справиться с этой проблемой становится институт земских

начальников, так, как он был реализован (фактически вписанный в бюрократическую систему), а не так, как задумывался и отстаивался А.Д. Пазухиным [Пазухин, 2011].

Сюжет со «всевластием» бюрократии оказывается, в одном аспекте, тесно связан с вопросом о наличии у Романовых политической стратегии. Прежде всего, вряд ли можно говорить о «Романовых» в целом – разница видения положения дел в империи, места в империи в мире и возможных сценариях действия между Александром II и его сыном будет принципиальная (в отличие от первой половины царствования Николая II, представляющем продолжением политики предшественника). Но вместе с тем именно сценарии монархического правления уводят от «стратегической логики», поскольку монархия – в первую очередь традиция, воспроизводство – и запрос на стратегию в этих рамках как раз и оформляется в желание получить «объединенное правительство», собственно «правительство» как единого субъекта – политического. И это же последнее обстоятельство блокирует образование правительства в смысле единого кабинета – показательно, что Александр III в качестве наследника всего за год до своего восшествия на престол жалуется на отсутствие единства среди министров, на потребность в кабинете, чтобы затем, став императором, в этом отношении не только повторять, но даже радикализировать политику своего отца. Для российских императоров фигура «премьера» совершенно справедливо представляла как угроза «визирства»: воспроизводство конфликтов между разными ведомствами и конкуренции между их главами в результате позволяла императору сохранять контроль над ними.

В этом отношении одной из больших проблем для империи оказалась неспособность перейти к единому правительству уже в ситуации думской монархии, т.е. неготовность вполне принять председателя Совета министров как фигуру политическую – фактическая неизбежность последнего вызывала со стороны императора недовольство, а стремление Коковцова или, например, Горемыкина действительно минимизировать свое функционирование в качестве политиков приводило – за пределами тактических выгод – к существенным издержкам для всей системы в целом.

Однако значимо и то обстоятельство, что представление о «всевластии бюрократии» было далеко не исключительно российским сюжетом – достаточно напомнить, что именно анализ бюрократии находится в центре размышлений Макса Вебера, которому принадлежит известный образ «железной клетки» и исключения политического – того, что получит развитие уже в работах Карла Шмитта 1920-х гг., со сведением политического к вопросам управления, то есть технике, пространству действия бюрократов, экспертов, специалистов.

В первом приближении, применительно к Российской империи, проблема «всевластия бюрократии» отражала невозможность контроля за действиями бюрократической системы со стороны императора и высших лиц империи, когда они оказывались заложниками той информации, которая поступала к ним по этажам системы

управления — и отсутствие публичного контроля в силу исключения политического из внутреннего пространства империи, в рамках логики полицеирования.

Однако на другом витке рассмотрения того же сюжета легко увидеть, что проблема связана скорее с осознанием наступления новых порядков зрелого модерного государства — и попытками найти выход из связанных с этим проблем через обращение к ретроспективным утопиям дворянского попечительного управления и самоуправления, поиском императоров и высшими сановниками контактов с «простыми людьми», получения информации не по официальным каналам и т.п. Когда после 1906 г. возникнет общеимперское представительство, его члены в скором времени столкнутся с теми же проблемами, хорошо знакомыми их зарубежным коллегам — например, с фактической крайней трудностью выступать в качестве субъектов законодательной инициативы, формально обладая этим правом — поскольку вне сложной механики бюрократического аппарата и доступа к административным ресурсам составить имеющий шансы стать законом проект практически невозможно — и тем самым, независимо от желания конкретных лиц, основным, почти исключительным субъектом законодательной инициативы оказывалось правительство.

В целом мне представляется очень важным в исследованиях Российской империи второй половины XIX–начала XX в. преодолеть влияние больших теологических схем описания истории — в результате совершающих описание сюжетов прошлого исходя не просто из «послезнания» (на этом построена вся история как таковая), а из представления, что свершившееся в дальнейшем было неизбежным, логичным, разумным результатом предшествующего — то есть когда соединяются три совершенно различных по своей логической природе сюжета:

- неизбежность, связанная с детерминистским видением устройства реальности и отсылающая к лапласовской физике;
- логичность происходящего — т.е. его непротиворазумность, лейбницеский принцип «достаточного основания», который сохраняет свою силу и при отказе от восприятия событий реальности и как неизбежных, и как разумных;
- и разумность — требование смысла, представление порядка вещей имеющего моральное или сверхморальное, напр., религиозное оправдание.

Большие концепции XIX в., явившиеся в ответ на вызов секуляризации, оказывались протезом уходящей в прошлое религиозной картины мира, способом принять мир как целое и поместить себя в большом историческом времени. В итоге, говоря о конкретном, занимающем нас сейчас сюжете, революция, конец Российской империи и утверждение новой реальности, представляли как неизбежное и осмысленное — от кары за прошлые, нераскаянные грехи («власти», «интеллигенции», «народа») до первого решительного проблеска грядущего торжества мировой справедливости.

Мне представляется, что, собирая значительную часть поставленных вопросов воедино, можно сформулировать до некоторой степени общий ответ: да, как мы знаем, в результате администрация империи оказалась недостаточна эффективна — об

этом говорит уже одно то, что империя в 1917 г. рухнула, да, мы сейчас можем сказать, что перед лицом империи стояла масса сложнейших задач и проблем, которые она не смогла решить эффективно и своевременно. Но вместе с тем в оптике, например, 1913 г. эти проблемы не выглядят фатальными. И это разграничение весьма важно — в конце концов, следует помнить, что революция 1917 г., повлекшая за собой крушение империи, была лишь одним из событий в ходе общемирового кризиса Первой мировой войны. Более того, по итогам Первой мировой войны, как мы помним, собственно, лишь Российская империя продолжила свое существование — уже в радикально новом качестве Советского Союза, оказавшись новой формой сборки того же имперского пространства. Иные империи — Австро-Венгерская и Османская — оказались к началу 1919 г. сметены. И это возвращает нас к исходным вопросам о проблемах, эффективности и проч. — ведь совершенно очевидно, что эффективность административных систем Австро-Венгерской, Российской и Османской империй и их устройство были весьма различны — но независимо от этого эти империи ожидал сходный финал в промежутке всего лишь полутора лет. А в свою очередь сложно считать, что Первая мировая война в том виде, в каком она состоялась, была неизбежна — слишком много случайностей, слишком много даже сугубо-человеческого сошлось вместе, чтобы очередной европейский кризис, на сей раз разразившийся в связи с убийством австрийского эрц-герцога, вылился в войну именно в этой исторической конфигурации. Здесь соединяются разные сюжеты — начиная с того, что международная, собственно — европейская система с 70-х годов XIX в. находилась в нестабильном состоянии [Киссинджер, 1997] и угроза перерастания в большое военное противостояние сопровождала с конца XIX в. любой существенный кризис в европейских международных отношениях — и заканчивая тем, что именно кризис июня — июля 1914 г. стал началом Первой мировой войны. Достаточно предположить, что для военного противостояния исходной точкой стал бы другой конфликт, несколькими годами позднее — чтобы сам ход событий и его последствия для Российской империи предстали бы иными. Понятно, что в данном случае мы рассуждаем в солагательном наклонении, но оно необходимо, если только мы не придерживаемся представления о том, что все события развивались именно и только так, как они вообще могли развиваться [Миллер, 2017].

Так что, обращаясь к последнему сюжету, о применимости конструктивистских подходов и тех, кто условно именуется авторами настоящей дискуссии «постмодернистскими»¹ к аналитике и осмыслению истории поздней Российской империи, думается, что именно эта оптика наиболее продуктивна — поскольку избавляет от бремени «неизбежности», диктата устаревших, восходящих к XIX в. историографических концепций — и, что не менее ценно, не противоречит попыткам собрать множество в относительное единство объяснения, каждый раз отчетливо фиксируя, о каких рамках и каком уровне анализа идет речь, ведь понятно, что уровень анализа «Российская империя» отнюдь не произволен и вместе с тем не единственен, масса

¹ Мне лично понятие «постмодернизма» представляется совершенно неконструктивным за пределами вполне конкретной и уже явно принадлежащей к области историографии философской дискуссии 1980-х — начала 1990-х гг., в первую очередь связанной с именами Ф. Джеймисона и П. Андерсона.

процессов оказываются как более локальными, так и располагающимися поверх, через эти границы. В этом отношении конструктивистские подходы важны именно постольку, поскольку обращают внимание на тот важнейший социальный феномен, что всякая граница, всякое сообщество, всякий смысл не являются чем-то само собой разумеющимся и тем более естественным – все, существующее в социальной реальности, существует в той мере и до тех пор, пока оно производится и воспроизводится – и тем самым лишая, например, понятия «империи», «самодержавной власти» или «общества» наивности. Иначе говоря, конструктивистские подходы – они о самой природе социального, говоря словами Дюркгейма: социальное должно быть объяснено посредством социального, а отнюдь не о произвольности.

В современных работах мы видим множество примеров – как случайных, так и глубинных – континуальности между Российской империей и Советским Союзом, начиная от плана электрификации или проекта Днепрогэса до Гражданского кодекса 1922 г. [Новицкая, 2011], базирующегося на дореволюционном проекте Гражданского уложения. Разумеется, важный вопрос – возможность реализации этого рода проектов, но одновременно не менее значимый аспект – то, что их реализация происходит в существенно более бедной как материально, так и интеллектуально, потеряв множество квалифицированных кадров, стране, лишенной доступа к мировому рынку капиталов и способной находить потребные ресурсы в первую очередь за счет сверхэксплуатации собственных граждан. Сама возможность в подобных условиях организации гораздо более плотной, чем в Российской империи, системы управления – и достижения целого ряда значимых результатов – свидетельствует, на наш взгляд, о ресурсах, которыми располагала Российская империя. Напомним, что в ходе Мировой войны Российская империя оказалась одной из наименее «мобилизованных» стран, так и не переведшей многие сектора своей экономики, культуры и управления в режим «тотальной войны» – это, с одной стороны, возвращает нас к исходному сюжету, вопросу об эффективности управления, а с другой, учитывая длительность участия в войне и отсутствие до самого конца империи сокрушительных поражений, говорит о ресурсах империи.

На мой взгляд – Советский Союз оказался радикальной трансформацией Российской империи, он качественно новый феномен – и в этом плане континуальность, хорошо прослеживаемая в конкретных сюжетах, имеет гораздо более существенные ограничения в больших сюжетах – это как правило континуальность проблем и ограниченность наличного, в том числе находящегося в актуальном поле мыслимого, набора вариантов их решения. Советскую империю логично представить как пересборку того же имперского пространства – на основании совершенно иных принципов имперской сборки. И вместе с тем сама возможность этой пересборки, осуществившаяся столь стремительно, служит, как мне представляется, еще одним важным аргументом в пользу жизнеспособности Российской империи, в пользу утверждения, что ее проблемы и трудности к 1914 г. и даже к 1916 г. не носили фатального характера.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствовании Николая II в изображении современника. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 808 с.

Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.

Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. с англ. В.В. Львова; послесл. Г.А. Арбатова. М.: Ладомир, 1997. 847 с.

Крыжановский С.Е. Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб.: РНБ, 2009. 228 с.

Менделеев Д.И. К познанию России. СПб., 1906. 157 с.

Миллер А.И. Жалость к Сербии – надуманный предлог [интервью] // Русская идея. URL: <https://politconservatism.ru/interview/zhalost-k-serbii-nadumannyj-predlog> (дата обращения – 15 апреля 2019 г.).

Мионов Б.Н. Российская империя от традиции к модерну. В 3 т. Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 912 с.

Новицкая Т.Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. История создания. Общая характеристика. М.: Зерцало-М, 2011. 223 с.

Рубакин Н.А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. СПб., 1912. 216 с.

Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2018. 351 с.

Христофоров И.А. Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М.: Собрание, 2011. 368 с.

REFERENCES

Gurko V.I. *Cherty i siluety proshlogo: Pravitel'stvo i obshchestvennost' v carstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika* [Features and silhouettes of the past]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000. 808 p. (in Russian).

Zajonchkovskij P.A. *Pravitel'stvennyj apparat samodержавnoj Rossii v XIX v.* [The government apparatus of autocratic Russia in the XIX century]. M.: Mysl', 1978. 288 p. (in Russian).

Kissindzher G. *Diplomatiya* [Diplomacy] / Per. s angl. V.V. L'vova; poslesl. G.A. Arbatova. M.: Ladomir, 1997. 847 p. (in Russian).

Kryzhanovskij S.E. *Vospominaniya: iz bumag S.E. Kryzhanovskogo, poslednego gosudarstvennogo sekretarya Rossijskoj imperii* [Memoirs: from the papers of S.E. Kryzhanovsky, the last Secretary of State of the Russian Empire]. SPb.: RNB, 2009. 228 p. (in Russian).

Mendelev D.I. *K poznaniyu Rossii* [To knowledge of Russia]. SPb., 1906. 157 p. (in Russian).

Miller A.I. Zhalost' k Serbii – nadumannyj predlog [interv'yu] [Pity for Serbia – a far-fetched excuse], in *Russkaya ideya*. Available at: <https://politconservatism.ru/interview/zhalost-k-serbii-nadumannyj-predlog> (accessed 15 April 2019).

Mironov B.N. *Rossijskaya imperiya ot tradicii k modern* [The Russian Empire, from tradition to modernity]. V 3 t. T. 2. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2015. 912 p. (in Russian).

Novickaya T.E. *Grazhdanskij kodeks RSFSR 1922 goda. Istorija sozdaniya. Obshchaya harakteristika* [The civil code of the RSFSR of 1922. History of creation. General characteristic]. M.: Zercalo-M, 2011. 223 p. (in Russian).

Rubakin N.A. *Rossiya v cifrah. Strana. Narod. Sosloviya. Klassy* [Russia in numbers. Country. People. Estates. Hopscotch]. SPb., 1912. 216 p. (in Russian).

Solov'ev K.A. *Politicheskaya sistema Rossijskoj imperii v 1881–1905 gg.: problema zakonotvorchestva* [The political system of the Russian Empire in 1881–1905: the problem of lawmaking]. M.: Politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2018. 351 p. (in Russian).

Hristoforov I.A. *Sud'ba reformy: Russkoe krest'yanstvo v pravitel'stvennoj politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830–1890-e gg.)* [The fate of the reform: Russian peasantry in government policy before and after the abolition of serfdom (1830–1890s.)]. M.: Sobranie, 2011. 368 p. (in Russian).